

Писать о людях, которые внезапно ушли из жизни, всегда нелегко. Если они были тебе хорошо знакомы — тем более. Ну, а если человек, которого ты потерял, был твоим близким другом, то это — совсем тяжело и горько...

А на мне сейчас, кроме чувства ужасной досады от потери Романа, повисло ощущение огромной обиды. Такой вот, по-детски честной, неизбежной и предательски жестокой. И, к сожалению, не отменимой...

Ведь никто из нас — друзей Романа — никогда бы не смог предположить такого разворота судьбы. Я говорил далеко не с одним человеком, и все сходились во мнении, даже вспоминали старые шутки, что именно о нас «будет, кому писать талантливые памятные тексты». Но так не случилось...

Мы подружились с Романом, когда учились во втором классе «А» 37-й школы, куда меня перевели в связи со сменой места жительства. И, как я гораздо позже (во взрослом возрасте, начав анализировать тот период) понял, именно тогда жизнь моя начала приобретать совершенно иной смысл. А точнее даже — смысл этот обретать. Причем через самые простые, но очень умные вещи: упражнения с шуточными рифмованными строками, стенгазету «Зеркало», сценарии детских театральных постановок (до сих пор не могу забыть свой дебют третьеклассника в кукольном спектакле «Как мы перехитрили хитрую лису»), подготовку к экзаменам, а главное — постоянное общение. И вот об этом — особо.

Лично я, по точному выражению мамы Романа Нелли Борисовны, в их доме «пасся». Так оно и было. Эта замечательная женщина (физик, инженер-конструктор важного оборонного КБ) искренне и бескорыстно любила всех приходящих в их дом мальчиков, кормила нас, давала дельные советы и умела (это также стало понято гораздо позже) прививать навыки жизни новой увлекательной игрой. А вот папа Эмилий Николаевич (блестящий историк и искусствовед) относился к нам, особенно к Роману, гораздо критичнее. Но в этом не было и тени риторства или морализаторства — только здоровый путь к развитию мышления через умножение знаний, пропущенных через фильтры смысла и самоиронии.

Папа был очень стойким к жизни человеком (партийные гонения семидесятых хорошо подтвердили это), приспособленным к любому быту и очень спортивным. Поэтому его (я хорошо это помню) раздражало то, что сын почему-то так и не научился плавать. И когда мы с Эмилием Николаевичем, отдыхая на даче Союза художников в селе Пристанное, заплывали чуть ли не на середину Волги, Рома скучал на берегу. Кто мог предположить тогда, что поплывёт он гораздо дальше?

*Сергей Волков и Роман Арбитман в школьном спектакле по пьесе
Владимира Маяковского «Клоп». Саратов, 1979*

Но это проявлялось постепенно — год за годом, в самых разных делах. И даже не в школьной золотой медали, дипломе с отличием Саратовского университета и самоотверженной трёхлетней работе школьным учителем в селе. И, можем предположить, не в тех работах, которые выдавали в Романа Эмильевича прекрасного литературоведа (начиная с диплома 1984 года, посвящённого исследованию творчества Аркадия и Бориса Стругацких). И даже не в издании сорока пяти (именно такое число называл мне Роман осенью прошлого года) книг за двадцать лет — это ещё будет подробно исследовано позже. А за свою истинно несгибаемую позицию (основы её достались Роме от отца) — ни перед властью, ни перед какими другими обстоятельствами. Многие из нас такими качествами не обладают. А вот он обладал.

Не буду говорить, что это кого-то к чему-то обязывает. Лично у меня это вызывает зависть. А это очень продуктивное чувство. И я осознаю, что сам уже давно так далеко не плывал. Даже не заплывал за буйки...

Роман Арбитман был крещен в Православии. Он узнал об этом, будучи уже взрослым, но национальными традициями не пренебрег.